

ПО МОЕМУ глубокому убеждению, нынешнюю российскую реальность можно определить всего лишь одним словом — растение. Растение на всех уровнях и во всех сферах. Едва ли продуктивно высказываться сейчас, происходит ли это спонтанно или целенаправленно, а то ведь не ровен час какой-нибудь очередной господин Кива обвинит меня в параноидальных комплексах, да это, собственно, не так уж и важно. Важны результаты, а результаты эти, на мой непростительный взгляд, увы, ужасающие.

Даже в самых моих дурных снах мне, к примеру, никогда не могло присниться, что российский интеллигент, да еще полагающий себя демократом, в здравом уме и твердой памяти не постесняется публично призывать к иноземной оккупации своей страны и не вызовет этим никакого возмущения. Тех, кто сомневается, отсылаю к статьям одной вашей воинствующей демократки в журналах «ХХ век» и «Огонек».

Недавно в Париже во время дискуссии на эту тему кто-то из московских участников крикнул мне из зала: «Да кто же ее принимает всерьез!». Не знаю. Может быть. Людей, к которым не относятся всерьез, везде полно, но никто этим людям нигде не спешит услужливо предоставить печатную площадь и телевизионный экран, рассчитанные на многомиллионную аудиторию. К тому же, как говорил в таких случаях один наш бывший политзаключенный: «Смурной, смурной, а мыла не хавают!» Так вот, мыла это прекрасное существо не хавают, оно, судя по всему, прекрасно изучило спрос на нынешнем интеллектуальном рынке.

Другого уважаемого мною публициста едва ли можно отнести к людям несерьезным, но и он не постыдился сослаться на поучительный опыт гитлеровских оккупантов времен второй мировой войны в решении продовольственной проблемы. Цитирую по памяти: ударили в рельсу, собрали народ, распустили колхоз, и все были с хлебом... Не говоря уже о моральном цинизме сказанного, это и прямая фактическая ложь.

Мы с этим публицистом, я имею в виду Черниченко, люди одного поколения. Не знаю, где он оказался во время войны, но меня случай занес на родину моего отца и деда, что в Тульской области, сразу же после ее освобождения от оккупации. Так вот, свидетельствую: гитлеровцы колхозов не распустили, ибо тоже понимали преимущества коллективного хозяйства перед индивидуальным для продовольственных реквизиций, а с хлебом при них было куда хуже, чем при Сталине.

Или что, какая корысть, какой расчет, какие комплексы заставляют заморского Бориса Парамонова и отечественного Виктора Ерофеева,

вполне, казалось бы, психически нормальных людей, страстно доказывать своей многомиллионной аудитории, что у России никогда не было ни истории, ни культуры, а была, как утверждает та же демократическая дама в тех же журналах, историческая клякса, нонсенс, несданный урок».

Я берусь утверждать, что в наше время нигде, ни в цивилизованной, ни в нецивилизованной стране, никто и никогда не позволит безнаказанно напечатать и произнести вслух ничего подобного ни об одной истории ни одно-

Нынешняя российская педридика, радио, телевидение, кино и театр только и заняты тем, что объясняют своей несмышленной аудитории, что ее армия — застенки, школа — рассадник обскурантизма, семья — клоака, церковь — прибрежище стукачей и мздоимцев, а вся страна — один большой Чернобыль, который, если и исчезнет с лица земли, то лишь окажет этим неограниченную услугу человечеству. Здесь я уже слышу голоса своих прогрессивных оппонентов: «И совершенно правильно делает!» Поэтому сразу же им и отвечаю: «Сог-

ласен, но только если вместе с вами!»

ГЕРОЕМ нашего времени становится человек, умеющий делать деньги, и преимущественно в твердоконвертируемой валюте. Каким образом, это не имеет значения. Продаются и покупаются все. Чем интересуетесь? Тайнами КГБ? Четыреста зелененьких на бочку, и пресс-центр этой героической организации набьет вам этими тайнами полный кейс. Подробности закрытого следствия над путчами? Российская прокуратура поделится с вами этим добром еще дешевле — за триста. Вы насчет клубнички? Милости просим! Открытые соответствующую газету: жены и мужья, дочери и сыновья слаются напрокат по объявлению. Адрес, телефон, имя, все честь по чести. Убийство опостылевшего супруга (супруги!) или надоевшего компаньона? В любое время дня и ночи. Оплата по договоренности. Дети для трансплантации? И за этим не стоим, называйте цену. Разумеется, в твердой валюте. Оружие? Боевая техника? Флот? Авиация? Об этих железках и торгуются совестью. Берите на вес, сколько ослепите. Оплата принимается и в рублях. Тоже на вес. Как говорится, баш на баш. Территории? Это и в кредит можно, нам их девать некуда.

Причем представления об эквивалентах у наших рыночников находятся на уровне островных аборигенов времен капитана Кука: за мятый самовар, которому место на городской свалке, с иноземного туриста на Арбате могут запросить цену золотого сервиса на двенадцать персон, а за подпись на контракте о продаже миллионов тонн нефти по сниженной цене — двухкассетный магнитофон. Нужно иметь недюжинную фантазию, чтобы представить себе, сколько таких магнитофонов можно приобрести на подаренную покупателю скидку!

И не вздумайте напомнить кому-либо в современном Рос-

сии о чести, совести, собственном достоинстве, а тем более о Родине и ее интересах. Вас поднимут на смех. Об этих, по общему мнению, давно отживших понятиях помнят разве лишь замшелые апологеты прошлого: честь не кормит, совесть не греет, от собственного достоинства шея болит, а родина там, где хорошо живется. Даешь рынок! Сарынь на кичку!

Мало того, под это уже подводится солидный теоретический базис. Недавно, к примеру, в весьма демократической газете «Сегодня» некто

Андрей Быстрицкий, обыгрывая ироническую строку Бродского «Ворюги мне милей, чем кровопийцы», так и называет свою статью «Апология воровства». Незамысловатую ее философию можно определить короткой цитатой из нее самой: «Кроме того, — пишет автор, — воровство (коррупция) — более высокая, более личностная стадия по сравнению с кровопийством». Я уже не говорю о том, что именно воры и коррупционеры, вставшие у власти, в конце концов и становятся кровопийцами, чтобы отстоять эту власть, как это уже случилось в России при Сталине, а в наши времена происходит, к примеру, в Грузии, Таджикистане, Чечне, а где еще полыхнет, пожжем — увидим. Но главное, по моему глубокому убеждению, в том, что общество, поставленное перед таким чудовищным выбором: «воры или кровопийцы», уже само по себе преступно, ибо на месте разрушенной цивилизации волков неизбежно будет обречено построить цивилизацию крыс, которые сначала сожрут все вокруг себя, а потом примутся пожирать друг друга. И какая из этих цивилизаций предпочтительнее для человека, это еще вопрос.

Ужасает и уровень понимания рыночной экономики нашими ведущими реформаторами. Недавно, к примеру, один из них — Владимир Шумейко — в интервью русскоязычной газете «Новое русское слово» поделился с ее читателями: вот-де реформы в России идут настолько успешно, что школьники уже в шестых классах начинают заниматься коммерцией. Даже не знаешь, что после этого делать: плакать или смеяться? Хотелось бы спросить у этого деятеля: где, в какой уважающей себя стране дети в школе занимаются коммерцией? И кто им позволит этим заниматься? Но этот реформатор кубанского розлива убежден, видимо, что это и есть рынок. Ему бы в Краснодаре пивом торговать, а

он, видите ли, Россию реформирует! С его реформаторской помощью страна скоро будет иметь два-три поколения отпетых жуликов, правда, он в это время, наверное, успеет устроиться где-нибудь во Флориде, тем более что уже исхитрился устроить своего внука американским гражданином.

Стремительная криминализация России — это ныне национальная беда, а криминализация, поощряемая самим государством, — это, на мой взгляд, уже катастрофа и преступление одновременно. ИМЕННО этот поистине не-

андертальский уровень определяет их отношение к школе, науке, культуре: все должно окупаться! Они не знают или делают вид, будто не знают, что во всем мире, в том числе и в обожаемой ими Америке, все это находится на содержании государства или благотворительных фондов. Окупает себя только поп-культура, прибыльна только прикладная наука и оплачивается лишь элитарное образование, но во Франции, к примеру, даже частные школы получают дотации от правительства, а когда однажды последнее попыталось освободиться от этого бремени, вся страна в знак протеста вышла на улицы.

На все эти темы я как-то разговаривал с министром культуры Евгением Сидоровым и членом президентского совета известным публицистом Василием Селониным. На все мои недоумения ответ и того и другого был удручающе лаконичен: «Нет денег!» Действительно, страна дышится от бюджетного дефицита. Не находится денег отремонтировать Румянцевскую библиотеку, Большой театр, Консерваторию, даже, говорят, на кормежку зверей Государственного цирка нет денег. Но тогда спрашивается: откуда находятся миллиарды и миллиарды для целого вывоза неправительственных фондов, которые почему-то финансируются из правительственных источников, на различные информационные центры и экономические институты, возглавляемые, как правило, отставными реформаторами, дружками президента? Откуда находятся еще большие миллиарды для проведения никчемного да к тому же и взрывоопасного референдума? Да одна только месячная отсрочка повышения цен на энергоносители, проликативная чисто демогиическими соображениями в преддверии того же референдума, обещалась государству, по оценкам самих правительственных экс-

пертов, в сто двадцать миллиардов рублей. Даже по нынешним инфляционным временам все эти миллиарды составляют сумму почти астрономическую. Но чем не жертвуешь ради того, чтобы удержаться у власти!

Правда, в таком случае трудно представить себе, какое будущее, какой рынок и какая демократия ожидают вскоре Россию!

Впрочем, концепцию будущего России ее президент недавно определил сам. Когда в крохотной Калмыкии некий молодой нуворис с капиталом сомнительного происхо-

ждения выиграл выборы, пообещав каждому избирателю сто долларов, а затем, разгнав почти все структуры власти, ввел в ней прямое президентское правление, растроганный Борис Николаевич со свойственным ему, мягко выражаясь, простодушием откровенно проговорился: «Держайте! Калмыкия станет для России полигоном по отработке всех политических и экономических проблем». Вот так, вот и все.

Вы хотите жить в такой России? Я — нет.

Я НЕ ХОЧУ жить в неолеменисткой России, где проповедниками демократии выступают профессиональные растлители из бывших кандидатов в члены политбюро, провинциальных преподавателей марксизма-ленинизма, номенклатурных экономистов, начальников армейских политуправлений и матерых чекистов.

Здесь я снова слышу голоса моих оппонентов, призывающих меня вспомнить о Савле, ставшем Павлом. Не кощунствуйте, уважаемые! Савл, прозрев, заплатил за свое прозрение крестными муками, его к тому же никто не спешил избрать в римский сенат, а ваши савлы комфортно переползают из коммунистической номенклатуры в демократическую с их еще более соблазнительными привилегиями. Если уж здесь и сгодилось бы евангельское сравнение, то скорее не с Савлом, а с Иудой Искариотом.

Я не хочу жить в России, где любой интеллектуальный мародер или мародерша может обогатиться и унизить Солженицына и Зиновьева, а гонители Сахарова входят в комиссию по его наследству.

Я не хочу жить в России, где недавние фарцовщики и воры, ставшие биржевыми спекулянтами, торгашами и валютные проститутки становятся примером для подражания, а интеллигенция зачастую вынуждена занимать-

ся автомобильным извозом, сдавать в наем собственное жилье, чтобы только физически выжить.

Да и существует ли она вообще в природе та Россия, которую я и мои единомышленники представляли себе, вступая в противоборство с идеологическим монстром, укоренившимся на ее территории в течение более семи десяти лет? Уважаемая всеми и уважающая всех страна с демократическим правосознанием, процветающей экономикой, общепризнанной культурой?

Нынешняя Россия — это омерзительная неолеменистская клоака, симбиоз вчерашних номенклатурных растлителей с откровенной и абсолютно безнаказанной уголовщиной, наглая всемирная побирушка, не вызывающая у цивилизованного человечества ничего, кроме безразличия и презрения.

И самое невыносимое и унижающее для меня состоит в том, что до этого позорного состояния ее довели те же самые, выражаясь по Шедрину, твердой души прохвосты, десятилетиями растлевавшие страну, а ныне насупех напавшие на себя демократическую одежку, из-под которой хорошо просматриваются их добротная коричневая шкура: недавние областные гауляйтеры, партийные журналисты и писатели, комсомольские заповалы, брежневские телеклоуны и творцы помпезных кино и театральных эпопей во славу родной партии и правительства.

Господи, когда же Ты, наконец, избавишь Россию от этой прожорливой саранчи?!

И если мне завтра предложат билет в этот рыночный рай, я возвращаю его дарителям без всякой благодарности, ибо не желаю даже косвенно соучаствовать в окончательном растлении своей страны и своего народа, добавляя от себя этому режиму легитимности. Я больше не хочу ни с кем дискутировать, ибо убежден, что в самом близко обозримом будущем с этой властью будет дискутировать сам народ, и у него, уверяю вас, найдутся аргументы повесомее моих.

Стоящие сегодня у власти неолеменисты в очередной раз пытаются соблазнить Россию правом на бесчестье. Что ж, она рано или поздно ответит им своим исконным правом на бунт. Тогда пусть не ищут виноватых на стороне, они этот бунт провоцируют сами. Никакое растление не может и не должно остаться безнаказанным, за него придется платить. Испейте же тогда свою чашу до дна! Прощай, Россия! Ты у меня одна заветная, другой не будет никогда. Но пусть уж лучше тебя не будет совсем, чем видеть тебя такую — разваленную, униженную, слепую.

И все же верю, Господи, что все-таки — до свидания!..